

С. В. Рудакова

МОТИВ СМЕРТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ Е. А. БОРАТЫНСКОГО

Статья посвящена изучению своеобразия раскрытия темы смерти в поэтическом мире Е. А. Боратынского. В работе охарактеризовано четыре ассоциативно-смысловых парадигмы реализации мотива смерти Боратынским, внутри которых выделено еще по несколько моделей. Выявляется универсальность мышления автора, его неоднозначный подход к смерти, способность рассматривать это явление с разных сторон.

Ключевые слова: Е. А. Боратынский, мотив смерти, ассоциативно-смысловые парадигмы.

Поэтический мир Е. А. Боратынского, выступая в качестве определенной целостности, не знает статики, пребывая в постоянном движении. Художник, создавая свою поэтическую вселенную, не только отражает объективный мир, но и воплощает в ней свою концепцию бытия, высказывая в ней свои оценки, учитывая сложившиеся в обществе представления. Мотив смерти, на наш взгляд, можно рассматривать как некую «лакмусовую бумажку», позволяющую выявить многомерность, противоречивость поэтического мира Боратынского, в котором одно и то же предстает перед читателями по-разному. Обусловлено это и принадлежностью создаваемых поэтом явлений, состояний к различным смысловым парадигмам, и изменением выбранного автором подхода к освещению того, о чем он говорит. Поэтический мир характеризуется тем, что он дает возможность интерпретировать определенный образ, мотив и т. д. каждый раз по-иному, в зависимости от угла зрения. Мы выбираем один аспект лирики Боратынского – мотив смерти, и он, как нам видится, подобно «радуге», рассыпается на множество различных значений одного смыслового спектра. Выявить эти значения, подтвердив идею о содержательной сложности и о художественном своеобразии поэзии Боратынского, – основная задача нашей статьи.

По словам Ларошфуко, на смерть, как и на солнце, нельзя смотреть в упор. Однако понятие смерти абсолютно во всех культурах оказывается одним из основных в концептосфере и в национальном сознании носителей, определяя основы любой философской системы. Доказать это можно даже тем, что слово смерть включено в список универсальных человеческих понятий, установленных на базе межъязыковых исследований и могущих выполнять функцию самоочевидных элементарных концептов¹.

Образ смерти вмещает в себя целый спектр разнообразных значений. Вместе с тем, не только в каждой культуре есть свои специфические воззрения на смерть, обусловленные национальными обрядами, верованиями, но и у каждого яркого поэта можно обнаружить индивидуальные представления о смерти, определяемые уникальностью мироощущения и неповторимой художественной системой образов, которую создает автор.

Для того чтобы выяснить своеобразие трактовки мотива смерти в поэтическом мире Е. А. Боратынского, необходимо обратиться к имеющимся определениям смерти. В большинстве словарей и энциклопедий под смертью понимается неотвратимое, неизбежное прекращение жизнедеятельности организма и вследствие этого – гибель индивидуума как обособленной живой системы. Однако нужно помнить, что человек, в отличие от других живых существ, сознает свою смертность, поэтому смерть для него выступает не просто как фактор природного бытия; она наполняется нравственным, религиозным, философским содержанием. Более того, смерть в сознании человека оказывается в той или иной мере включенной в сложный контекст общественных отношений.

Наверное, поэтому так велико желание людей понять природу феномена смерти, раскрыть тайны этого загадочного явления жизни. И трудно не согласиться с высказываниями профессора К. Харта Ниббрига: «Мы говорим о смерти иначе, чем знаем о ней, как будто мы знаем больше, чем ничего»; «Говорить о смерти – наивысшее, сверхчеловеческое достижение психоаналитического переноса. Мы переводим смерть в метафоры, не зная ее, будучи накоротке с ней разве что в том случае, когда она служит нам опорой в вымышленном мире. Мыслят не смерть, не

пустоту, не бытийное, не ничто; мыслят его неисчислимы метафоры – как способ очертить непомыслимое»². Следовательно, смерть воспринимается людьми не только как процесс прекращения жизнедеятельности организма, но и как процесс перехода из состояния Бытия в состояние Небытия.

В разные периоды своего творчества Е. А. Боратынский по-разному подходит к осмыслению смерти. В ранних произведениях смерть не воспринимается поэтом как трагическое явление человеческой жизни; она видится им своего рода «новосельем», переходом в мир иной, где может продолжиться общение с друзьями и занятие творчеством («Больной», 1821, «Элизийские поля, 1821, «К/рыло/ву», 1820). Легкость отношения к жизни переносится и на восприятие смерти, но в этом Боратынский больше следует общелитературной традиции первой половины XIX века, чем выражает собственные убеждения (в данном плане особенно видна преемственность Боратынского по отношению к позиции К. Н. Батюшкова).

Однако в «Падении листьев» (1823) и в «Черепе» (1824) смерть обрисовывается уже в трагических тонах, являя собой конец всех земных радостей, надежд. Понятия жизни и смерти для поэта по-прежнему несоединимы. Удел живых – жить, познавать мир; смерть же – явление иного порядка, потому о ней лучше не думать: «Пусть радости живущим жизнь дарит, а смерть сама их умереть научит»³.

На рубеже 1820–1830-х годов увлеченность Боратынского вопросами бытия накладывает отпечаток и на трактовку мотива смерти, приобретающего все более выраженный философский подтекст. И. М. Тойбин выделил «своеобразный цикл о “трех смертях”», в котором смерть «рассматривается <...> в трех разных аспектах, с разных точек зрения: смерть как всеобщий закон природы и мироздания (“Смерть”), ее место в судьбах человечества (“Последняя смерть”) и отдельного человека (“На смерть Гете”))»⁴.

Боратынский видит смерть как неизбежность, постигающую все живое, но в некоторых поздних стихотворениях поэт наделяет смерть рядом положительных значений. Так, в ряде произведений конца 1820–1830-х годов Боратынский мыслит смерть как необходимое условие для продолжения жизни не только в плане биологической необходимости, но и как проявление всеобщей гармонии: «Ты всех

загадок разрешенье. / Ты разрешенье всех цепей» [142]. Такой взгляд Боратынского на смерть позволил Л. Н. Толстому заявить, что в стихотворении «Смерть» (1828) «отношение к смерти правильное и христианское». И потому строки из «Смерти» Толстой включил в «Круг чтения» в качестве иллюстрации следующего положения: «Если жизнь – благо, то благо и смерть, составляющая необходимое условие жизни»⁵. Произведение «Смерть» воспринимается своеобразным гимном смерти: человеческий разум в контексте этого стихотворения приобретает символическое значение позитивной силы, способной победить страдания и страх перед смертью. Здесь Боратынский рассматривает философско-нравственную проблему сознательного отношения к смерти. Он считает, что страх перед ней отступает, если включается разумность в отношении к смерти, способность относиться к ней как к закономерному, естественному финалу пребывания в этом мире любого живого существа.

Воспринимается Боратынским смерть и как закономерное завершение бессмысленного человеческого существования, потому для лирического героя близость смерти вызывает отнюдь не отрицательные эмоции: «Скучая тягостной неволей бытия, / Нести ярмо мое утрачивая силу, / Гляжу с отрадою на близкую могилу, / Приветствую ее, покой ее люблю, / И цепи отряхнуть я сам себя молю» («Из А. Шенье», 1828) [142]. Кроме того, смерть видится поэтом мерилом человеческой жизни («На смерть Гете», 1832): гений духовной жизни человеческой будет жить вечно, оставшись бессмертным в памяти своих потомков.

Тем не менее, осознавая жизнь как непрерывное обязательное мучение, Боратынский не в силах добровольно от нее отказаться и избрать смерть (подобные мысли впервые отражены были поэтом в послании Дельвигу в 1821 г.), потому лирический герой поэта ищет «жить и бедствовать услужливый предлог» [142]. Появляясь в стихотворениях Боратынского, образ смерти несет с собой ощущение холодного дыхания, неотвратимости конца как собственной жизни, так и окружающих. Потому к поздней трактовке мотива смерти можно отнести слова самого поэта, высказанные в письме к князю П. А. Вяземскому: «Смерть подобна деспотической власти, обыкновенно она кажется дремлющею, но от времени до времени некоторые жертвы выка-

зывают ее существование и наполняют сердце продолжительным ужасом»⁶.

В поэзии Е. А. Боратынского мотив смерти реализуется в нескольких условно нами выделяемых ассоциативно-смысловых парадигмах. Следует, правда, уточнить, что практически в каждой из них обнаруживаются свойства, близкие другим, происходит как бы «переливание» значений, углубление создаваемых поэтом образов. Анализируя лирику Боратынского, мы выделяем следующие парадигмы: «Граница между миром живых и миром мертвых, предел между жизнью и смертью»; «Отсутствие признаков жизни, избавление от жизни»; «Потусторонний мир, потусторонняя сущность»; «Вечный незыблемый закон, закон неизбежности смерти».

Первая из них включает в себя следующие традиционно-поэтические слова и выражения: «склонюсь я наконец ко смертному одру»; «и мне назначена могила»; «путем одним пойдем до двери гроба»; «пробьют урочные часы»; «к берегам Аида»; «на преждевременный конец»...

Примечательно, что в качестве своего рода границы, разделяющей мир живых и мир мертвых, Боратынский представляет как темпоральные, так и пространственные образы: это может быть и некий момент бытия, разделяющий все на «до» и «после» («последний час его пробил»); это может быть и дверь, ведущая в иное пространство («могилы дверь отверста»), и рубеж («там за могильным рубежом»), и врата («обители духов откроются врата»), и даже река, перейдя через которую, человек утрачивает возможность вернуться к жизни («всех чередом поглотит Лета»); а может быть это и одр («к одру последнему»)...

Вторая парадигма «Отсутствие признаков жизни, избавление от жизни» представлена несколькими моделями.

Угасание, наступление тьмы: «обитель теней»; «в закоцитной стороне»; «от темных орковых полей»; «Во мраке осени ненастной / Глубокий мрак тебе грозит»; «обитель ночи»; «Погас! но ничто не оставлено им».

Появление особого света: «... светильник погребальный / Последних благ моих»; «в садах, где свет бессмертья блещет»; «Лукавым светом бытия / Мне ужас гроба озарила».

Сон: «и заснет, недвижимый, он»; «усопших важный сон»; «последним сном смыкает вежды»; «последним, вечным сном»; «Но пристойную могилу, / Как уснет он, предку дай».

Стремительность времени: «И мигом в сердце кровь остынет, / И дом подземный скроет нас»; «и каждый час грозимым смертным часом»; «Не только завтра, сей же час / Меня не будет».

Остановка: «Когда твой голос, о поэт, / Смерть в высших звуках остановит».

Увядание: «приметно вяну я».

Расставание, разлука, уход: «и вы сокрылись в обители теней»; «скрывались в гробах»; «Ее печально провожаем / Мы в лучший край и лучший мир».

Встреча: «час свиданья»; «Здесь навещать своих друзей / Порою смогут наши тени»; «Мы встретим вас у врат Айдеса».

Покой, забвение: «для дружбы, для любви, для памяти умру»; «обетованное забвеньё»; «дай приют, земля сырая»; «у вод счастливой Леты, / Где благоденствуют отжившие поэты».

Тишина: «тишину кладбища»; «тихий гроб твой посетит».

Холод: «и мигом в сердце кровь остынет»; «мертвец холодный»; «хладною смертью».

Судьба: «Всех смертных ждет одна судьба: / Всех чередом поглотит Лета»; «и мне назначена могила»; «урочные часы»; «На преждевременный конец / Суровым роком обреченный».

Тление, прах: «познайте тления незыблемый закон»; «спокойно тлей мертвец»; «рыдая, пепел твой почтит».

Как видим, система смысловых образных ассоциаций, связанных с мотивом смерти, достаточно широка и в чем-то противоречива. Образ смерти в сознании поэта предстает порой в противоположных проявлениях: это наступление тьмы и появление особого света, стремительность потока времени и остановка в движении, разлука и встреча. Кроме того, в своем представлении о смерти Боратынский учитывает и многовековой опыт человечества, видя в ней холод, сон, тишину, покой, забвение, тлен и прах...

Рассматривая следующую парадигму реализации мотива смерти в лирике Боратынского «Потусторонний мир, потусторонняя сущность», мы также условно выделили несколько моделей.

Загробный мир, описанный поэтом с учетом античной мифологической образности: «всех чередом поглотит Лета»; «Пробьют урочные часы, / И низойдет к брегам Аида / Певец веселья и красы»; «от темных Орковых

полей»; «мы встретим вас у врат Айдеса»; «весь необъемлемый Аид»; «Глубокий мрак тебе грозит, / Уж они сияет из Эрева»; «на берегах Стигийских вод». Внутри этой модели можно выделить и своего рода *пространство античного мира блаженства*: «журчанье усыпляет Элизей!»; «в садах Элизия, у вод счастливой Леты»; «Не славь, обманутый Орфей, / Мне Элизийские селенья»; «Элизий в памяти моей».

Загробный мир, представленный в духе христианской образности: «Несет надежду жизни вечной / И трепет Страшного суда»; «Есть бытие и за могилой, / Нам обещал его творец». Внутри этой парадигмы особое место отведено описанию *христианского рая*: «там, быть может, в горнем клире»; «строгий твой рай».

Вместилище смерти: «дом подземный»; «обитель теней»; «подземный мир»; «обитель ночи»; «там, за могильным рубежом»; «обитель духов откроются врата»; «там, в заочном мире»; «до двери гроба»; «холм могильный»; «могилы мир»; «тихий гроб»; «могилу дорожную».

Обитатели неземного мира: «царь небес».

Смерть как существо: «с насмешкою глядит»; «смерть дочерью тьмы не назову я»; «О дочь верховного Эфира! / О светозарная краса»; «Предстала, и старец великий смежил / Орлиные очи в покое»; «Афродита гробовая»...

Смерть ассоциируется в сознании поэта не только с каким-то природным или абстрактным явлением, изображенным в духе античной или христианской мифологии, она – живое существо, способное мыслить и чувствовать и выносить приговор живому. Уходит Боратынский и от прямого следования народным образам смерти; она у него не старуха с косою, напротив, это «дочь верховного Эфира», «светозарная краса».

Особую роль в раскрытии мотива смерти в лирике Боратынского играет категория пространства. Изображение пространственного мира смерти имеет пульсирующий характер. Это пространство может сжиматься до предельно камерного топоса, почти интимного, лично окрашенного для лирического героя («Элизийские селенья», «обитель ночи», «дом подземный»). И в этом плане смерть уподобляется жизни, точнее, становится ее зеркальным отражением. Смерть – это и оби-

тель, и селенья, и дом. То есть поэтом реализуются топосы, обладающие как индивидуальной, так и сакральной ценностью для человека. Однако движется к этому новому для себя жилищу человек по пути вниз. И потому сей подземный мир часто определяется поэтом как мир «ТАМ» (в этом отношении Боратынский близок В. А. Жуковскому, который о жизни за чертой смерти тоже говорил «ТАМ»). Но пространство смерти в изображении Боратынского может и расширяться до беспредельных просторов всего мироздания («печально провожаем / Мы в лучший край»; «подземный мир»; «лучший мир ей уготован»; «там, в заочном мире»; «есть бытие и за могилой»). То есть смерть в поэтическом мире Боратынского становится воплощением новой формы жизни, инобытием.

Хотя потусторонний мир представлен и через античное, и через библейское мировосприятие, доминирует (правда, не в количественном, а в качественном отношении) в поэтических текстах Боратынского именно второй тип. Так, само рассмотрение смерти в качестве перехода в другую форму жизни, а не как конца жизни, является по сути христианским. В Священном Писании о телесной смерти говорится как о переходе человека из одного состояния в другое, из одной формы бытия в другую. Уподобление же смерти жилищу (дому) также имеет свои корни в Св. Писании. Апостол Петр говорил о телесной смерти: «... когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах...» (2 Кор. 5, 1).

Четвертая парадигма реализации мотива смерти – «Вечный неизблемый закон, закон неизбежности смерти» – может быть представлена таким примерами: «Всех смертных ждет судьба одна: / Всех чередом поглотит Лета»; «Бежит неверное здоровье, / И каждый час готовлюсь я / Свершить последнее условие, / Закон последний бытия»; «Закон губительный Зевеса / Велит покинуть мир земной»; «живи живой, спокойно тлей мертвец»; «Не подчинишь одним законам ты / И света шум и тишину кладбища»; «Пусть радости живущим жизнь дарит, / А смерть сама их умереть научит»...

Условно нами выделяемые парадигмы реализации мотива смерти в поэтическом мире Боратынского помогают увидеть, как неоднозначно воспринимается смерть этим автором. В трактовке мотива смерти Бора-

тынским выявляются две противоположные точки зрения: смерть как негативное и смерть как позитивное явление бытия. В первую очередь, образ смерти ассоциируется с чем-то отрицательным, вызывающим глубокие переживания, безысходность и другие негативные реакции («для всех один закон – закон уничтоженья», «И, как могила, людям страшен» поэт рисует смерть как явление угрожающе-ужасное. Но, с другой стороны, жизнь суезна, иллюзорна и быстротечна, и во многом именно смерть открывает перед человеком врата вечности, потому она мыслится Боратынским торжественно-возвышенной, сакральной, воспринимается как благо («Гляжу с отрадою на близкую могилу, / Приветствую ее, покой ее люблю, / И цепи отряхнуть я сам себя молю»).

Иногда же явление смерти вызывает у лирического героя Боратынского одновременно прямо противоположные реакции: «и смерти *отрадной* *страшиться*».

Подобная двойственность не случайна. Понятие смерть в русской языковой картине мира амбивалентно по своей этимологической структуре: с одной стороны, слово «смерть» от «праслав. *sъmьrtь наряду с *mьrtь <...> родственно <...> гот. maurg «убийство»⁷, что имеет явно отрицательное значение; с другой стороны, «слав. *sъ-mьrtь следует связывать с др.-инд. su – “хороший, благой”, первонач. “благая смерть”⁷, что наделяет слово «смерть» положительной характеристикой.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что поэтический мир Е. А. Боратынского даже в одном смысловом поле (мотив смерти) начинает мерцать разными значениями, откликаясь на разные более конкретные, частные аспекты (например,

идеи античной и христианской мифологии). В лирике Боратынского в трактовке мотива смерти отражается относительно новая для философии, культуры первой трети XIX века концепция биполярного мира, что указывает на универсальность мышления поэта.

В своем творчестве Боратынский, с одной стороны, реализует общенациональное, культурное содержание понятия смерть, с другой стороны, расширяет и развивает содержательную сторону данного мотива, предлагая свою индивидуально авторскую трактовку.

Примечания

¹ Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М., 2001. С. 227.

² Харт Ниббриг Кристиан, Л. Эстетика смерти / пер. с нем. А. Белобратова. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 20–21.

³ Боратынский, Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л. : Совет. писатель, 1989. С. 116. Далее текст цитируется по этому изданию.

⁴ Тойбин, И. М. Е. А. Боратынский // Боратынский, Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л. : Совет. писатель, 1989. С. 34.

⁵ Из дневниковых записей С. А. Толстой от 26 июля 1902 г. // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1955. С. 139.

⁶ Боратынский, Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М. : Правда, 1987. С. 183.

⁷ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1971. Т. 3. С. 685.